

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛЬДФЕДЕР К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1916-2016)

23 марта исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Бориса Александровича Гольдфедера

Борис Александрович родился в Харькове в семье медиков. В 1933 году, окончив Харьковский музыкальный техникум, он поступил в Харьковскую консерваторию. Спустя год Гольдфедер переводится в Московскую консерваторию в класс профессора Константина Николаевича Игумнова.

С 1939 по 1944 годы Гольдфедер служит в рядах Советской Армии, являясь главным концертмейстером Краснознамённого Ансамбля Советской Армии (1939-1941), исполняющим обязанности инспектора Отдела военных оркестров и заместителем капельмейстера Образцового оркестра Народного Комиссариата Обороны СССР (1942-1943). В 1943 Гольдфедер работал капельмейстером 2-го Московского пехотного училища. В 1944 он демобилизуется из рядов Вооружённых сил в связи с заболеванием глаз.

3 января 1944 года Постановлением Совета Народных Комиссаров Б.А. Гольдфедеру объявляется благодарность за участие в работе по созданию Государственного Гимна СССР. После демобилизации в 1944 году Гольдфедер поступает в аспирантуру Московской консерватории к своему профессору К.Н. Игумнову. В 1947 Борис Александрович заканчивает аспирантуру с защитой кандидатской диссертации, явившись одним из последних аспирантов выдающегося советского музыканта.

В 1945-1949 годах Борис Александрович ведёт большую исполнительскую работу в качестве пианиста – солиста Московской филармонии, оркестра Министерства кинематографии СССР, выступает по Центральному радио и в концертах Союза композиторов СССР. В 1946 Гольдфедер принимает участие

в съёмках кинофильма «Глинка» в качестве «пианиста за кадром», исполняя фортепианные сочинения композитора, аккомпанируя С. Лемешеву и А. Борисову (это их голосами «пел» киноактёр – знаменитый Борис Чирков в роли Глинки).

В 1949 году Б.А. Гольдфедер начал работу в качестве доцента кафедры специального фортепиано Саратовской консерватории. В те далёкие годы руководство консерватории поступало абсолютно верно, командировав своих педагогов в столичные вузы для прослушивания абитуриентов, не прошедших туда по конкурсу. Таким образом в Саратовской консерватории оказались В. Хананаев (ныне профессор кафедры спец. фортепиано Воронежской академии искусств, заслуженный артист РФ), В. Клин, ставший впоследствии доктором искусствоведения, к сожалению, ушедший

из жизни, А. Катц (профессор кафедры специального фортепиано, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ, худрук Саратовской филармонии), В. Ханецкий (профессор кафедры спец. ф-но Саратовской консерватории).

Поступив в Саратовскую консерваторию в класс Б.А. Гольдфедера, я считал вполне достаточными приобретённые в Воронежском музыкальном училище навыки и умения. Какое там! Борис Александрович очень спокойно и аргументировано в течение нескольких месяцев наглядно доказывал мне, что, увы, и мыслью я медленно, и аппарат мой не столь уж свободен и безгрешен (хотя, поступая в консерваторию, я играл «Аврору» Бетховена, 1-е скерцо Шопена, «Хоровод гномов» и 1-й концерт Листа), что и за педалью я слежу небрежно и т. д. и т. п.

И лишь через несколько месяцев мне удалось слегка поставить себя на другие рельсы. Всё это время Борис Александрович был спокоен, предельно доброжелателен, но, вместе с этим, целеустремлённо требователен. Бывали случаи, когда

с «шефом» (так мы его между собой называли) за урок проходили буквально несколько строчек! Ну, скажу я вам, это была настоящая экзекуция... Но только таким путём ему удалось подсушить во мне расцветавший цветок премьерства, ощущение своей непогрешимости. Притом Борис Александрович не обращал ни малейшего внимания на моё постепенное «закипание»...

Естественно, как и в любом другом классе, в классе Гольдфедера были студенты разной степени одарённости, но он стремился сохранить индивидуальность каждого своего подопечного, даже если исполнительское лицо его лишь слегка угадывалось. Поэтому у нас в классе не было двух похожих друг на друга пианистов, особенно это заметно было на классных концертах, регулярно проходивших в Большом и Малом залах нашей консерватории.

Борис Александрович неоднократно избирался заведующим кафедрой специального фортепиано, вёл насыщенную концертную деятельность. Как солист Росконцерта выступал в более чем 80 городах СССР, гастролировал в Польше, Чехословакии,

ГДР, имел завидную прессу.

Им был задуман и осуществлён рассчитанный на два года цикл исторических концертов, включавший в себя 5 сольных концертов. В цикл вошли произведения клавесинистов, Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена, композиторов-романтиков, импрессионистов, русских, советских и современных зарубежных композиторов.

Б.А. Гольдфедер первым из саратовских пианистов исполнял многие фортепианные концерты советских композиторов (Т. Николаевой, 2-й Шостаковича, Гасанова, Б. Сосновцева и других). Он играл с дирижёрами А. Пазовским, М. Паверманом, Г. Рождественским, Н. Факторовичем, В. Небольсиным, Ниязи, В. Дубровским, Г. Юдиным, Л. Киладзе, А. Апкаряном, И. Шпиллером, Пресичем, Машкевичем, Сайко и другими.

Помню очень удачное исполнение Борисом Александровичем Второго фортепианного концерта Листа с московским дирижёром Гавриилом Юдиным. Концерт проходил в Большом зале в день рождения Бориса Александровича – 23 марта 1958

года. Мы, группа консерваторских студентов, решили утром покататься на лыжах по Волге. Доехали до Энгельсского мясокомбината и обратно, наверное, километров 15. Под ярким солнцем и холодным, обжигающим ветром. В общем, на концерт мы явились как истинные краснокожие индейцы!

Борис Александрович был импозантен во фраке и бабочке, но, главное, был в этот вечер в ударе – играл ярко, абсолютно раскованно и чисто. Мы, его ученики, были, естественно, очень горды игрой своего шефа. В артистическую мы за явились с цветами и шампанским, которое шумно распили. Борис Александрович, разгорячённый удачным концертом и приёмом у слушателей, всё напоминал нам: «Ребята, маэстро надо поднести!» (это он о дирижёре!).

Запомнился ещё один достаточно забавный эпизод из кафедральной жизни. К 150-летию Шопена педагоги кафедры решили дать юбилейный концерт из его произведений. Каждый играл шопеновские сочинения из своего репертуара: ноктюрны, баллады, фантазию и т. д. И почему-то у каждого из исполнителей по ходу

игры начали возникать проблемы: то здесь не сыграл, то тут скомкал, то забыл! Проблемы были у всех, но только не у Арсения Петровича Щапова. Он спокойно вышел на эстраду, интеллигентно и не спеша «изложил» As-dur'ный полонез и с достоинством покинул сцену. А.И. Катц вспоминал, как его профессор А.О. Сатановский, сидя в артистической и готовясь к выходу на сцену, услышал «художества» собратьев и отказался от выступления, сославшись на недомогание.

Через несколько дней все «отличившиеся» устроили своего рода капустник, выходя по очереди на сцену и играя именно те эпизоды, в которых проштрафились. Естественно, А.П. Щапов, как безаварийно проводивший своё выступление, был освобождён от реабилитационного действия, посажен в центре первого ряда, а все «штрафники» после исполнения низко кланялись прежде всего Арсению Петровичу. Осталось в памяти: Дмитрий Михайлович Серов играл эпизод с расходящимися октавами из Фантазии фа минор, а Борис Александрович – коду Первой баллады. И выглядело

это всё очень легко, мило и остроумно!

Да, шутить над собой – тоже надо уметь...

В 1972 году Б.А. Гольдфедер переезжает в Москву и начинает работать в Институте культуры («и отдыха», как он сам шутил). За 23 года работы в Саратове консерваторию по его классу закончило 60 студентов, аспирантов и ассистентов-стажёров. Работая в Саратовской консерватории, Борис Александрович некоторое время работал и в музыкальном училище, приглашался в жюри пианистических конкурсов, неоднократно являлся председателем Государственных аттестационных комиссий в консерваториях и музыкальных училищах.

Став профессором Московского государственного института культуры, Б.А. Гольдфедер с 1972 по 1990 годы являлся ещё и председателем секции специального фортепиано научно-методического совета Министерства культуры РСФСР.

Хочется рассказать о совершенно неожиданной встрече с Борисом Александровичем (хотя за свою жизнь я убедился: ничего случайного в нашей жизни не происходит,

всё за нас уже решено. Вы скажете: «Это не по-марксистски!» Да, не по-марксистски...).

В конце сентября 1979 года, взяв несколько дней отгула, я улетел в Ялту на могилу отца (он умер там в 1940 году на гастролях). Прилетев в Симферополь, решил сразу же взять обратный билет. Народу в аэропорту – тьма! Сунулся в одну кассу, в другую: везде аншлаг. Подхожу к очередной кассе и вдруг вижу жену Бориса Александровича – Нелли Аркадьевну. Вид у неё крайне растерянный, глаза – на мокром месте... «Нелли Аркадьевна! Что с Вами? Что Вы здесь делаете?» Она поднимает на меня глаза, не узнаёт вначале, потом бросается ко мне: «Это Бог послал тебя, Валя!» Выясняется: только вчера они с Борисом Александровичем прилетели в Симферополь, добрались до Дома отдыха в Мисхоре. И Борис Александрович сразу же взял полотенце и отправился к морю. Пошёл один, а поскольку видит плохо, особенно вечером, споткнулся на крутой лестнице и упал. И сломал ногу! Совсем как в кино: «Упал, очнулся – гипс!» И они вынуждены были тут же ехать обратно в Симферополь,

но билетов на самолёт в Москву нет на несколько дней вперёд...

Борис Александрович сидел в машине, которую дал для больного директор Дома отдыха. Вёл себя как-то странно: моё появление у машины воспринял как должное, будто иначе и быть не могло. Видимо, врачи основательно накачали его лекарствами и наложили обезболивающим. Необходимо было срочно действовать. Звонки многочисленным знакомым ничего не дали. Решаем ехать в обком КПСС с надеждой использовать статус Бориса Александровича – профессора московского вуза, но, главное, ветерана и инвалида Великой Отечественной войны. Но и обком, оказывается, был бессилён: авиационная бронь на сегодня и завтра уже «выбрана». Удаётся уговорить ответственного по транспорту партийного товарища поспособствовать в приобретении билетов на сегодняшний поезд. Так вот этот товарищ не поленился, спустился от кондиционеров с нами к машине, познакомился с Борисом Александровичем. Увидел его за гипсованную ногу, вновь поднялся с нами в своей

кабинет. И через пять минут у нас уже была записка к начальнику вокзала.

Есть! Два билета до Москвы сегодня в мягкий вагон! Уф, отлегло... Даём телеграмму в Москву, обнимаемся, целуемся, прощаемся – поехали!

И никто никогда не убедит меня, что наша симферопольская встреча – всего лишь цепь случайностей, обыкновенное совпадение!

Естественно, работать Борису Александровичу не было надобности: пенсия позволяла. Была пенсия и у Нелли Аркадьевны. Мы иногда перезванивались, иногда переписывались. Потом – только перезванивались – со зрением у Бориса Александровича становилось всё хуже...

По голосу в телефонной трубке было понятно, что Борис Александрович скучает по Саратову. Очень живо интересовался нашей консерваторской жизнью, давал советы.

Умер Б.А. Гольдфедер 25 мая 2002 года на 87-м году жизни. Нелли Аркадьевна пережила мужа на 6, 5 лет...

*Профессор кафедры
специального фортепиано
В.Е. Ханецкий*